
И.В. Сталин о внешней политике и дипломатии: по материалам личного архива вождя (1939—1941)

Владимир Невежин

I.V. Stalin on foreign policy and diplomacy: based on the materials of his personal archive (1939—1941)

Vladimir Nevezhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870007413-5

В сложной международной ситуации кануна и начала Второй мировой войны правительство СССР разрабатывало собственный внешнеполитический курс. Решающую роль в этом процессе сыграл генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, который хотя и не занимал до начала мая 1941 г. ключевых государственных постов, но, несомненно, являлся лидером Советского государства. Именно он и председатель СНК СССР В.М. Молотов (с мая 1939 г. и нарком иностранных дел) участвовали в переговорах с руководителями внешнеполитических ведомств Германии (И. фон Риббентропом) и Японии (Ё. Мацуока). В итоге были заключены значимые для Советского Союза договоры: с Германией в 1939 г. — о ненападении (23 августа), дружбе и границе (28 сентября), а также с Японией в 1941 г. — о нейтралитете (13 апреля).

В конце 1990-х гг. у историков появилась возможность исследовать материалы личного архива Сталина. В результате были опубликованы некоторые документы его рассекреченной части — по проблемам внешней политики, в частности, рукописи передовых статей со сталинской редакторской правкой газет «Правда» (печатного органа ЦК ВКП(б)) и «Известия» (советского официоза)¹.

Н.В. Романовский писал, что в конце 1930-х гг. «Сталин выступал в печати нечасто»², однако скорректировать этот вывод позволило проведенное мной дополнительное исследование материалов сталинского архива. Не изученные ранее документы, в том числе подготовленные советским лидером для периодической печати, дают возможность лучше понять его представления об очередных задачах внешней политики Советского Союза в 1939—1941 гг. Эти источники позволяют конкретизировать и сталинские взгляды на дипломатию как важный инструмент для проведения в жизнь внешнеполитического курса страны. Данная статья также основана на материалах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внеш-

© 2019 г. В.А. Невежин

¹ Например, И.В. Сталин редактировал статьи: Мир или война // Известия. 1939. 9 октября; Исторический договор // Там же. 5 декабря; Несокрушимая дружба советского и финляндского народов // Правда. 1939. 4 декабря; см. также: Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956. М., 2005. Док. № 370. С. 513—515; № 371. С. 516—520; Годовщина советско-германского пакта // Правда. 1940. 23 августа; см. также: СССР—Германия: 1933—1941 // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2009. Док. № 195. С. 295—297.

² Романовский Н.В. Сталин и Энгельс: забытый эпизод кануна Великой Отечественной // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 44.

ней политики Российской Федерации (АВП РФ)³, документальных публикациях⁴, мемуарной литературе⁵ и интервью современников событий⁶.

На рубеже XX—XXI вв. в историографии и политической публицистике предпринимались попытки рассмотрения геополитических воззрений Сталина, однако, на мой взгляд, они не увенчались успехом по ряду объективных и субъективных причин. Так, историк и увлечённый публицист С.В. Константинов успел опубликовать лишь небольшие статьи на эту тему⁷. Он уже приступил к сбору архивных материалов для написания более фундаментального исследования⁸, но сделать этого не позволила его безвременная кончина (2001).

По причине недоступности архивных документов и М.В. Александрову не удалось полноценно исследовать проблематику, связанную с внешнеполитической доктриной Сталина⁹.

В.Н. Рябцев предпринял попытку изучения эволюции геополитической мысли в России/СССР в XX в. и написал книгу в жанре публицистических очерков. Например, рассуждая о том, что было характерно для данной сферы в сталинский период, он констатировал: в 1930-х — начале 1950-х гг. с геополитикой в Советском Союзе «произошли неприятные “приключения” (точнее, злокключения)»¹⁰. Более того, автор не использовал архивный материал, даже излагая историю формирования внешнеполитической концепции Сталина¹¹.

В середине 1990-х гг., когда только начался процесс активного рассекречивания и передачи из Архива Президента Российской Федерации на открытое хранение материалов личного фонда И.В. Сталина, вышла книга Б.Н. Славинского, указавшего, что специфика принятия решений в области внешней политики в сталинскую эпоху «строилась исключительно на личностной основе»: «Ни один внешнеполитический документ не мог быть опубликован или направлен за рубеж, если он не был одобрен лично Сталиным. Если это важный документ, то его собственноручно визировал “кремлёвский диктатор”, который

³ СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции (URL: agk.mid.ru).

⁴ Документы внешней политики СССР. 1939 (далее — ДВП). Т. XXII. В 2 кн. Кн. 1. М., 1992; Военная разведка информирует. Январь—июнь 1941. Документы / Сост. В. Гаврилов. М., 2008; Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). Serie D. Bd. XII/2. Baden-Baden, 1961; 1941 год / Под ред. В.П. Наумова. Кн. 1—2. М., 1998; СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Сборник документов / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Т. I. Вильнюс, 2006; *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933—1945 гг. М., 2007.

⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3 кн. Кн. 1. Т. I—II. М., 1991; *Шумейко В.Г.* Из летописи Красной площади. М., 1996. *Gafencu G.* Prelude to the Russian campaign. L., 1945.

⁶ *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. М., 1991; XX век. Голограммы поэта и историка / А. Твардовский, М. Гефтер. М., 2005; Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством: опыты политические, исторические и теологические о Революции и советском мире как Русском / Михаил Гефтер в разговорах с Глебом Павловским. М., 2015.

⁷ *Константинов С.В.* Замолчанный Сталин // Русский геополитический сборник. [Б.г.] № 2. С. 66—68; *Константинов С.В.* Сталин как геополитик // Элементы. 2000. № 4.

⁸ *Невежин В.А.* Увлечённый человек // In memoriam. Г.М. Адибеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Сост. Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков. М., 2003. С. 50—51.

⁹ *Александров М.В.* Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra, 1995.

¹⁰ *Рябцев В.Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки). М., 2018.

¹¹ Сталин и Хаусхофер: был ли учитель фюрера тайным советником советского вождя (историческое расследование) // *Рябцев В.Н.* Из истории геополитической мысли в России... С. 392—428.

ставил на нём что-то наподобие “И. Ст.”. Менее значительные бумаги соглашались устно, и по всем из них готовились постановления ЦК ВКП(б)»¹².

Когда в научный оборот были введены многочисленные дипломатические документы, в том числе из личного сталинского архива, Л.Н. Нежинский констатировал следующее. Укрепившись на вершине государственной пирамиды, Сталин уже в 1930-х гг. единолично решал главные вопросы не только внутренней, но и внешней политики СССР, «выслушивая мнение и советуясь со своим ближайшим окружением лишь в тех случаях и в той мере, в какой он считал это необходимым». При этом, подчёркивал Нежинский, «общественно-государственные интересы страны, в частности, в области международной политики, могли определять и трансформироваться в конкретных деяниях лишь в том направлении, как это себе представлял лично Сталин»¹³.

Будучи главой правительства, Молотов неизменно выступал с официальным обоснованием внешнеполитического курса, делал доклады на заседаниях сессий Верховного совета СССР, на которых оценивалась международная ситуация. В советских центральных газетах публиковались написанные Молотовым (но выходившие без указания его фамилии) передовые статьи по проблемам внешней политики¹⁴.

«Анонимные» публикации имел и Сталин. Он не только собственноручно правил присылаемые ему по той же теме рукописи статей и опровержения ТАСС, которые затем помещались на страницах «Правды» и «Известий», но и выступал в роли со- и автора некоторых работ.

Материалы, печатавшиеся на страницах этих газет в начале Второй мировой войны, отмечал В.Г. Наджафов, «внимательно изучались дипломатическим корпусом в Москве, составляя тему срочных донесений посольств из советской столицы». Иностранные дипломаты, продолжал историк, «хорошо представляли значение подцензурной советской печати как рупора Кремля», непосредственно выражавшей его установки во внутренней и внешней политике¹⁵. Добавлю, что эти статьи тщательно анализировали представители политического руководства иностранных государств и главы их пропагандистских органов.

В историографии и мемуарной литературе¹⁶ неоднократно отмечалось, насколько резонансными оказались публикации 10 мая 1939 г. в «Известиях»

¹² Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941—1945 гг. М., 1995. С. 11.

¹³ Нежинский Л.Н. Пути и перепутья советской международной политики в 1934—1941 гг. Тула, 2008. С. 35—36.

¹⁴ Берлинский пакт о Тройственном союзе // Правда. 1940. 30 сентября; см. также: 1941 год. Кн. 1. Док. № 131. С. 276—277; Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 338; Дембски С. Между Берлином и Москвой. Германско-советские отношения в 1939—1941 гг. М., 2017. С. 447.

¹⁵ Наджафов В.Г. Пакт, изменивший ход истории. М., 2015. С. 29.

¹⁶ Историография: Schuman F.L. Night over Europe: the diplomacy of nemesis, 1939—1940. N.Y., 1986. P. 236; Beloff M. The foreign policy of Soviet Russia. Vol. 2. L.; N.Y.; Toronto, 1952. P. 246; Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938—1939. М., 1990. С. 152—153, 115, 415, примеч. 3; Карлей М. Дж. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005. С. 192; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939—1941 гг. (Документы. Факты. Суждения). Изд. 3, испр. и доп. М., 2008. С. 46; Случ С.З. Советская внешняя политика (1939 г.) на пути из изоляции в тупик // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 347—348; Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938—1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // «Завтра может быть уже поздно...».

(«Сообщения ТАСС») и 11 мая (передовая статья «К международному положению») в условиях, когда Москва, Лондон и Париж вели дипломатическую переписку о возможности заключения ими военного союза на случай германской агрессии.

В системе советской внешнеполитической пропаганды ведущая роль принадлежала ТАСС. В 1930-х гг. советское руководство часто использовало в прессе его декларации (заявления, сообщения, опровержения) как действенное пропагандистское средство. А.А. Жданов, ближайший соратник Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б), курировавший деятельность Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в выступлении перед партийным архивом Ленинграда в ноябре 1940 г. призвал следить за характером и стилем опровержений ТАСС, что, по его мнению, давало более полное представление о международном положении СССР¹⁷.

В подготовке текстов такого рода участвовал Сталин. В его архиве сохранились материалы служебных бюллетеней ТАСС за 1930-е гг. с информацией, касавшейся преимущественно внешней политики Советского Союза в Европе и на Дальнем Востоке. На некоторых бюллетенях остались карандашные пометы Сталина («Опровергнуть», «Опубликовать», «Напечатать»)¹⁸, т.е. он отслеживал все подготовленные ТАСС на основе сообщений зарубежных СМИ данные о текущей международной обстановке.

В полемике с начальником 5-го (разведывательного) управления РККА И.И. Проскуровым, которая развернулась 17 апреля 1940 г. в ходе совещания в ЦК ВКП(б) начальствующего состава Вооружённых сил СССР по итогам Советско-финляндской («Зимней») войны, Сталин раскрыл собственную «методику» использования «иностранных» сведений. «Господа на Западе друг друга критикуют» и «разоблачают», уверял он, следовательно, необходимо было добиться от подачи материала в зарубежных СМИ политических дивидендов или хотя бы пропагандистского эффекта. При этом «форму изложения» можно было «снять, а существо оставить и преподать людям открыто, ведь есть у нас журналы, газеты»¹⁹. «Открытая подача» в советской печати предварительно «препарированных» иностранных сведений использовалась Сталиным и до, и после упомянутого совещания.

В начале мая 1939 г, когда международный кризис в Европе набирал обороты, Сталина заинтересовала информация, переданная 8 мая из Лондона по каналам ТАСС: «Как сообщает агентство Рейтер по радио, во время сегодняшней встречи английский посол Сидс²⁰ вручит Молотову английский ответ на советские предложения о создании Тройственного союза между Англией, Францией и СССР. По мнению лондонских кругов, — говорит агентство, — английский ответ содержит следующие основные контрпредложения: во-первых, Советский Союз должен дать гарантии каждому в отдельности государству, граничащему с ним, и, во-вторых, Англия обязуется оказать помощь СССР,

Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 107—108; и др. Мемуарная литература: см., например: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 168.

¹⁷ *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М., 2007. С. 280.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 206, 207.

¹⁹ Военная разведка информирует... Док. №. 3.41. С. 242.

²⁰ Сидс Уильям (1882—1973), британский дипломат; посол Великобритании в СССР (1939—1940).

если последний вступит в войну в результате взятых на себя гарантий. Полагают, — добавляет в заключение агентство, — что во время этой встречи английский посол попытается выяснить, означает ли отставка Литвинова какие-либо изменения во внешней политике СССР». На полях страницы этого служебного бюллетеня ТАСС Сталин начертил синим карандашом слева: «Опровергнуть через ТАСС» и внизу: «Текст (сообщения Рейтера) = достать»²¹.

Ещё в одном служебном выпуске бюллетеня ТАСС (также из Лондона) от 8 мая 1939 г. сообщалось: «Сегодня на заседании палаты общин лейборист Гендерсон²² задал Чемберлену следующий вопрос: “Можно ли считать, что политика английского правительства направлена к обеспечению полного сотрудничества с Советским Союзом с целью создать систему, основанную на взаимных гарантиях, для оказания сопротивления агрессии, откуда бы она ни исходила?”». Чемберлен ответил, что целью английского правительства является добиться полного сотрудничества с СССР в политике, которую ведёт Англия». Это сообщение, как и предыдущее, вызвало эмоциональную реакцию Сталина. Он оставил пометы синим карандашом в верхней части страницы: «1) Это не “сотрудничество”» и в нижней: «2) Никаких взаимных гарантий нет»²³.

В тот же день Молотов принял У. Сидса и, получив от него окончательное английское предложение, телеграфировал полномочному представителю СССР во Франции Я.З. Сурицу: «Англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь... Сидс сообщил, что французское правительство не имеет возражений против этого предложения англичан». Молотов попросил Сурица срочно оценить это предложение и передать относительно ответа на него свои рекомендации по телеграфу²⁴.

Однако полученные 10 мая советы полпреда в Париже²⁵ уже не имели для Кремля особого значения. Сталин, возмущённый тем, что западные державы стремились поставить Советский Союз в неравноправное положение в вопросе о Тройственном соглашении, в тот же день инициировал публикацию опровержения ТАСС. Примечательны некоторые встречающиеся в нём формулировки, явно надиктованные Сталиным: «На основании данных, полученных в авторитетных советских кругах (здесь и далее выделено мной. — В.Н.), ТАСС может заявить, что это сообщение агентства Рейтер не вполне соответствует действительности». Далее утверждалось, что полученные 8 мая от Англии «контрпредложения», с которыми согласилась Франция, отнюдь не содержат положений о том, «что советское правительство должно гарантировать каждое в отдельности государство, граничащее с СССР». В английском документе лишь отмечалось: Советский Союз окажет содействие Великобритании и Франции в случае вовлечения последних в «военные действия во исполнение принятых ими на себя обязательств по отношению к Польше и Румынии». Однако, подчёркивалось в опровержении ТАСС от 10 мая, в английских «контрпредложениях» не говорилось о какой-либо помощи, которую СССР должен был получить, будучи равным образом вовлечённым в военные действия «во исполнение принятых

²¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 207, л. 51.

²² Гендерсон Невилл Мейрик (1882—1942), британский дипломат; посол Великобритании в Германии (28 мая 1937 г. — 3 сентября 1939 г.).

²³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 207, л. 52.

²⁴ ДВП. Т. XXII. Кн. I. Док. № 284. С. 342.

²⁵ Там же. Док. № 296. С. 354—355.

им на себя обязательств в отношении тех или иных государств Восточной Европы»²⁶.

Вслед за публикацией упомянутого «Сообщения ТАСС» в «Известиях» появилась вышеназванная передовая статья о международных событиях. В.З. Роговин²⁷ и С.З. Случ²⁸ указывали, что её написал Сталин, и это коренным образом меняло акценты при оценке данной публикации. Большинство историков, не зная об авторстве советского лидера, считали, что в ней излагались взгляды и выводы редакции газеты. Роговин и Случ, основываясь на содержании упомянутой статьи, обобщали видение Сталиным событий 1939 г., связанных с советско-англо-французскими переговорами.

Итало-германское соглашение, подписанное в результате переговоров между министрами иностранных дел Германии (И. фон Риббентропом) и Италии (Д.Г. Чиано) 7 мая 1939 г., полагал Роговин, побудило Сталина подать Гитлеру сигнал о намерении открыть новый этап во взаимоотношениях между СССР и Третьим рейхом. Таким сигналом и стала передовая статья «К международному положению», вышедшая в «Известиях» 11 мая 1939 г. — спустя всего неделю после отставки (3 мая) прежнего наркома иностранных дел М.М. Литвинова и назначения на этот пост В.М. Молотова. Аннулирование Германией договоров с Англией и Польшей, заключение военно-политического союза между Берлином и Римом, по мнению Сталина, «своим остриём» были направлены против Англии и Франции. Подобная постановка вопроса, добавлял Роговин, предполагала критическое отношение Москвы к позиции Берлина и выражение её готовности как можно скорее заключить с Англией и Францией Тройственное соглашение о совместном отпоре германской агрессии. Однако, подчёркивал исследователь, вторая часть упомянутой статьи «была выражена в совершенно ином духе». В ней Сталин делал акцент на том, что оборонительная и миролюбивая позиция СССР, основанная к тому же на принципе взаимности и равных обязанностей, не встретила сочувствия со стороны Англии и Франции. Там, где нет взаимности, заключал Сталин, отсутствует и возможность налаживания настоящего сотрудничества²⁹.

Случ отмечал, что после 10 мая центральная советская печать в различных формах (сообщение ТАСС, передовые статьи в «Известиях» и «Правде») периодически освещала обмен мнениями между правительствами Англии, Франции и СССР, а также ход их переговоров. При этом подчёркивалось, что между представителями западных держав и Советского государства имелись серьёзные разногласия. Сомнительно, считал Случ, чтобы руководство СССР намеревалось разрешить их «путём подобного рода публичной дипломатии». В то же время, делал вывод историк, «острая критика политики западных держав на страницах советских газет неплохо ориентировала немецких дипломатов, военное и политическое руководство нацистского рейха относительно перспектив соглашения между СССР и западными державами»³⁰.

²⁶ Известия. 1939. 10 мая.

²⁷ Роговин В.З. Мировая революция и мировая война. М., 1998. С. 220—221. Текст упомянутой статьи сохранился в РГАСПИ в фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, сотрудники которого планировали включить её в макет т. 14 собрания сочинений И.В. Сталина. Но в 1955 г., уже после смерти вождя, секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов распорядился не делать этого.

²⁸ Случ С.З. Советская внешняя политика... С. 347—348.

²⁹ Известия. 1939. 11 мая; Роговин В.З. Мировая революция... С. 221—222.

³⁰ Случ С.З. Советская внешняя политика... С. 347—348.

В ответ на нежелание Англии и Франции играть на равных с СССР в вопросе о заключении Тройственного союза Сталин, очевидно, после 3 мая и решил предпринять пропагандистский демарш. Не зная того, что именно генеральный секретарь партии инициировал упомянутые публикации в центральной советской газете, М.Дж. Карлей сделал следующий вывод: «Такой общественный отклик явился болезненной новостью для англичан, но вряд ли удивил французов»³¹.

Следует отметить, что своей статьёй в «Известиях» от 11 мая 1939 г. Сталин оказал медвежью услугу Молотову, только что приступившему к исполнению обязанностей главы внешнеполитического ведомства СССР. В публикации утверждалось, что Советский Союз не имел пакта о взаимопомощи с Францией. Между тем ещё действовал франко-советский договор от 1935 г. Молотову даже пришлось оправдываться перед французским послом Ж. Пайяром, выразившим удивление по поводу неточности, допущенной редакцией газеты. Нарком иностранных дел был вынужден признать, что фраза об отсутствии пакта между СССР и Францией является «формально неточной». На вопрос Пайяра, отражает ли помещённая в «Известиях» статья мнение советского правительства, Молотов пытался (довольно путано) объяснить, что эту газету «нельзя считать официозом»³².

А.В. Мальгин, проанализировавший внешнеполитическую тактику и стратегию СССР 1939—1941 гг. и ссылаясь на выступление И.В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г., отметил, что Германия, начав военные действия против западных держав, смогла приобрести «надёжных союзников», а Англия и Франция «не справились с этой задачей». «К числу “не справившихся”, — констатировал историк, — к сожалению, можно отнести и Советский Союз»³³.

Документы из личного архива Сталина вносят определённые коррективы по вопросу о предполагаемых союзниках СССР в начале Второй мировой войны. На мой взгляд, советский лидер уже в мае 1939 г. осознал, что надежды на Великобританию и Францию как на потенциальных военных партнёров нереальны в связи с той по существу антисоветской позицией, которую они заняли уже на первом этапе обсуждения перспектив создания военного альянса для предотвращения возможной германской агрессии в Европе. Проходившие в Москве 12—23 августа 1939 г. переговоры между СССР и военными миссиями Англии и Франции зашли в тупик. Впоследствии лидер Советского государства неоднократно в устной форме (в том числе во время официальных бесед и застолий с представителями иностранных государств) нелицеприятно характеризовал британское и французское политическое руководство, которое пыталось навязать по существу дискриминационные для СССР условия соглашения о сотрудничестве. Во время проходившей 7 сентября 1939 г. в Кремле беседы с генеральным секретарём Исполкома Коминтерна Г.М. Димитровым, Сталин в присутствии Молотова и Жданова утверждал, что Советский Союз предпочёл бы подписать соглашение с «так называемыми демократическими странами» и поэтому вёл с ними переговоры. Однако, по его же словам, англичане и

³¹ Цит. по: Карлей М.Дж. 1939. Альянс, который не состоялся... С. 192.

³² Роговин В.З. Мировая революция... С. 222; Обишкина Е.О. Французская дипломатия... С. 107.

³³ Мальгин А.В. Советская внешняя политика и НКВД СССР в мае 1939 — июне 1941 гг. Новая тактика или стратегический просчёт? // «Завтра может быть уже поздно...» С. 161.

французы «хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить. Естественно, Советский Союз отказался “быть в батраках”»³⁴.

В ходе обмена мнениями с Риббентропом в ночь с 23 на 24 августа 1939 г., после подписания пакта о ненападении с Германией, Сталин и Молотов (согласно германской записи) «враждебно комментировали манеру поведения британской военной миссии в Москве, которая так и не высказала советскому правительству, чего же она в действительности хочет». Риббентроп заявил, что Англия «слаба и хочет, чтобы другие поддерживали её высокомерные претензии на мировое господство». На это Сталин заметил: «Британская армия слаба; британский флот не заслуживает своей прежней репутации. Английский военный флот, можно быть уверенным, увеличивается, но Англии не хватает пилотов. Если, несмотря на всё это, Англия ещё господствует в мире, то это происходит лишь благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать»³⁵.

Когда Третий рейх уже находился в состоянии войны с Англией и Францией, Риббентроп вновь прибыл в Москву на переговоры. Согласно германской записи, в откровенном разговоре, состоявшемся по окончании банкета в Кремле (в честь подписания советско-германского договора о дружбе и границе) в ночь с 28 на 29 сентября Сталин заявил Риббентропу, что СССР «не собирается вступать в какие-нибудь связи» с «зажравшимися государствами». Среди них он назвал Англию и Францию. «Чемберлен — болван, а Даладье — ещё больший болван», — уверял Сталин министра иностранных дел Германии³⁶.

Как следует из памятной записки Л. Наткевичуса³⁷, в ночь с 3 на 4 октября 1939 г. в Кремле проходил второй раунд переговоров И.В. Сталина с министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом. Тогда вождь выразил «особо саркастическое и очень недоброжелательное отношение» к Англии, и «при каждом удобном случае он не жалел крепких выражений в адрес англичан»³⁸.

В современной отечественной и зарубежной историографии большое внимание уделено событиям, связанным с заключением пакта о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г.³⁹ В ходе дискуссий историки задавались вопросом, чьим интересам отвечало это дипломатическое соглашение: СССР и/или Японии? Однако ответ на этот вопрос пока не найден⁴⁰.

Япония стала фактическим союзником Германии и Италии после подписания ими 27 сентября 1940 г. Берлинского пакта (Тройственного союза). К тому времени СССР был связан с Германией договорами 1939 г. (о ненападении; о дружбе и границе). Заключение Тройственного союза давало шанс для нормализации взаимоотношений между СССР и Японией, значительно обострившихся в результате вооружённых столкновений у оз. Хасан (1938) и на р. Халхин-Гол (1939). Обе стороны, несмотря на ряд препятствий, пошли

³⁴ 1941 год. Кн. 2. С. 584.

³⁵ *Невежин В.А.* Сталин о войне... Док. № 24. С. 106; № 25. С. 110.

³⁶ ДВП. Кн. 2. С. 616, примеч. 226.

³⁷ Наткевичус Ладас (1893—1945), литовский дипломат; чрезвычайный и полномочный посланник Литвы в СССР (1939—1940).

³⁸ СССР и Литва... Док. № 48. С. 234.

³⁹ *Воробьёва Т.А.* Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. в современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 1—2. С. 25—38.

⁴⁰ Там же. С. 36.

навстречу друг другу. В результате переговоров между Сталиным, Молотовым и министром иностранных дел Японии Мацуокой 13 апреля 1941 г. в Москве был заключён советско-японский пакт о нейтралитете.

Практически все писавшие о нём отечественные и зарубежные историки, вслед за очевидцами событий⁴¹, считали необходимым упомянуть об имевшей место после подписания этого соглашения памятной церемонии проводов Мацуоки Сталиным и Молотовым на Ярославском вокзале. Действительно, было о чём рассказать. Импровизированный фуршет в Кремле, которым завершился торжественный акт подписания, дал о себе знать. Поражало то, что советский лидер *впервые* приехал провожать на вокзал главу внешнеполитического ведомства зарубежного (соседнего и, по сути, враждебного) государства. Присутствовавшие на импровизированных «проводах» иностранные дипломаты были шокированы не только тем, что находившийся подшофе Сталин демонстративно обнимал и целовал нетрезвого Мацуоки перед кино- и фотокамерами, но и сталинскими уверениями в дружбе, адресованными сотрудникам германского посольства в Москве⁴².

Между тем исследователи не обратили внимания⁴³ на опубликованный 19 апреля 1941 г. в газете «Правда» обзор иностранной печати, посвящённый анализу международных откликов на пакт о нейтралитете между СССР и Японией⁴⁴. Даже знаток истории советско-японских отношений В.Э. Молодяков, к сожалению, неверно назвал эту статью «передовицей “Правды”» и неправильно датировал её 16 апреля 1941 г.⁴⁵

В личном архивном фонде Сталина мной выявлен документ — три машинописные страницы, к которым приложена вырезка из газеты «Правда» «Советско-японский пакт в освещении иностранной печати» от 19 апреля 1941 г. На второй странице текста имеется карандашный заголовок: «Написано т. Сталиным для обзора Правды (sic! — В.Н.) от 19 апр[еля] 1941»⁴⁶. Следовательно, Сталин — автор второй, аналитической части опубликованного в газете обзора. Можно предположить, что первую часть написал советский публицист, литературный критик, сотрудник редколлегии газеты «Правда» Д.И. Заславский (Осипович). Перу этого журналиста, отмечал сотрудник Управления пропаганды и агитации ВКП(б) Г.В. Шумейко, принадлежал «ряд публицистических трудов по зарубежной истории главным образом Соединённых Штатов, и литературно-критическому творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина»⁴⁷.

⁴¹ ADAP. Serie D. Bd. XII/2. Dok. № 333; *Gafencu G.* Op. cit. P. 158—159.

⁴² *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С. 229—230; *Вишнёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 27; *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио. М., 2004. С. 391—392; *Робертс Дж.* Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной» войны. М., 2006. С. 103—104; *Нежинский Л.Н.* Пути и перепутья советской международной политики... С. 246; *Дембски С.* Между Берлином и Москвой... С. 680; и др.

⁴³ Не всегда данное обстоятельство можно объяснить *игнорированием* источника. Так, историк Я. Войтковяк (Польша) сообщил мне, что при написании монографии о советско-японских отношениях в его распоряжении просто не было «Правды» за 19 апреля 1941 г. (*Wojtkowiak J.* Stosunki radziecko-japońskie w latach 1931—1941. Poznań, 2000. S. 221—228).

⁴⁴ Советско-японский пакт в освещении иностранной печати // Правда. 1941. 19 апреля.

⁴⁵ *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось... С. 395.

⁴⁶ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1125, л. 11.

⁴⁷ *Шумейко Г.В.* Из летописи Красной площади. С. 88. Заславский, по мнению автора, «угадал» то, что больше всего интересовало Сталина, в частности, сталинский интерес к творчеству

Заславский привёл цитаты из зарубежных (американских, английских, германских, итальянских, японских, венгерских, турецких, румынских) СМИ с откликами на договор о нейтралитете между СССР и Японией. Также советский обозреватель подверг критике некоторых английских и американских репортёров, превратно истолковывавших, по его мнению, значение этого договора. Заславский констатировал: «С той же страстностью, с какой обсуждается вопрос о том, кому более выгоден пакт о нейтралитете — СССР и Японии, обсуждается в течение этих дней вопрос о том, означает ли заключение пакта улучшение или ухудшение советско-германских отношений. Одни комментаторы утверждают, что советско-японский пакт чуть ли не направлен против Германии, другие, наоборот, утверждают, что он был подписан под прямым давлением Германии».

Во второй части обзора (по стилю и содержанию она отличается от первой) Сталин дал отповедь рассуждениям досужих зарубежных журналистов: «Не мешало бы знать, что идея пакта между СССР и Японией, как и самый пакт, имеет свою довольно длительную историю». Далее он бегло охарактеризовал её основные этапы, приведшие к положительному результату. При этом автор, скромно умолчав о своей ведущей роли в советско-японских переговорах, отметил, что именно «при активнейшем участии г. Мацуока в обсуждении условий заключения пакта» и был подписан договор о нейтралитете, положивший «конец враждебным отношениям между двумя странами и облегчающий дело мира на Дальнем Востоке». Данная историческая справка, утверждал Сталин, вскрывает «всю смехотворность известного предположения» некоторых иностранных комментаторов «о том, что японо-советский пакт направлен якобы против Германии, а также другого предположения о том, что этот пакт заключён под давлением Германии». В конце обзора он сделал вывод: «Пора понять, что Советский Союз ведёт свою самостоятельную, независимую политику, чуждую внешних влияний. Эта политика определяется интересами советского народа, интересами Советского государства, интересами мира»⁴⁸.

На мой взгляд, к правильному пониманию мотивов советского вождя, которыми он руководствовался при принятии решения о подписании советско-японского договора о нейтралитете, оказались близки Г. Городецкий и А.О. Чубарьян (хотя они и не ссылались на статью «Правды» от 19 апреля 1941 г.). По их мнению, Сталин хотел продемонстрировать этим соглашением главное — в международных делах СССР руководствовался не мессианством, а собственными государственными интересами⁴⁹.

Историки отмечают и другие важные аспекты, без уяснения которых трудно адекватно оценить значение данного договора: подписание его позволило СССР обезопасить себя на Дальнем Востоке⁵⁰, снизило вероятность войны на

М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так, в обзоре газеты «Правда» от 19 апреля 1941 г. упоминалась бабушка писателя (Татьяна Юрьевна) из его автобиографического эссе «Завешание моим детям».

⁴⁸ Советско-японский пакт в освещении иностранной печати // Правда. 1941. 19 апреля.

⁴⁹ Городецкий Г. Роковой самообман... С. 231; Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 415.

⁵⁰ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931—1945 гг. М., 2001. С. 233; Сафронов В.П. Война на Тихом океане. М., 2007. С. 231.

два фронта, дав возможность советской стороне высвободить силы для их концентрации на Европейском театре вероятных военных действий⁵¹.

Появление в «Правде» статьи о советско-японском пакте, в которой также излагались мысли Сталина о неизбежности советско-германских отношений в контексте договора о ненападении, вызвало большой интерес в Берлине. 22 апреля 1941 г. имперский министр пропаганды и просвещения Й. Геббельс отметил в дневнике, что в Москве «ничего не имеют против Германии», «она стремится к миру и т.д.». Общий вывод Геббельса относительно мотивации советского вождя при подписании договора о нейтралитете с Японией, сводился к тому, что «Сталин уже пронюхал, в чём дело, и размахивает пальмовой ветвью. Вот как мы сильны сейчас»⁵².

26 апреля 1941 г. ответственный редактор газеты П.Н. Пospelов направил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, курировавшему вопросы идеологии, записку: «Посылаю проект редакционной статьи “Правды” “Международное обозрение”, одновременно посланный мной т. Сталину и т. Молотову. Прошу указаний»⁵³. Таким образом, предназначенную для публикации в печатном органе ЦК ВКП(б) рукопись обзорной статьи на международные темы (основана на взятой из зарубежных СМИ информации) предварительно направили на согласование ключевым фигурам, определявшим характер советской внешнеполитической пропаганды, — Сталину, Молотову и Жданову.

В «Международном обозрении» приводились отдельные отклики американской печати на заключённый 13 апреля (ратифицированный 25 апреля) 1941 г. советско-японский пакт. «Из этих откликов, — отмечала “Правда”, — видно, что некоторые американские круги твёрдо рассчитывали на конфликт между Японией и СССР». В числе тех, кто враждебно относился к Советскому Союзу, упоминался и бывший американский посол в Москве У. Буллит. В материале, предназначавшемся для публикации в «Правде», ставился вопрос: «За что же так враждебно относятся к Советскому Союзу Буллит и подобные ему господа?». И следовал ответ: «Прежде всего за то, что Советский Союз ведёт свою независимую самостоятельную политику, твёрдо отстаивает интересы советского народа, интересы мира»⁵⁴. Содержавшаяся в этом обзоре (который так и не был напечатан) оценка внешнеполитического курса СССР на международной арене практически полностью совпадала с точкой зрения Сталина.

Вопрос о том, как он оценивал роль дипломатии в международных делах, в историографии остаётся малоизученным. Некоторым образом конкретизировать позицию Сталина позволили документы, выявленные в его личном архиве.

Круг чтения советского лидера был велик, и, конечно, в своей библиотеке он имел книги по теории и истории дипломатии. Ещё в 1926 г. Сталин просил своих помощников находившиеся в ней издания, в том числе связанные с дипломатией, классифицировать «не по авторам, а по вопросам»⁵⁵. Интерес большевистского руководства и, естественно, его вождя к истории дипломатии усилился в начале Второй мировой войны. 14 мая 1940 г. в ЦК ВКП(б) про-

⁵¹ Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года... С. 23; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина... С. 337; Нежинский Л.Н. Пути и перепутья советской международной политики... С. 246; Wojtkowiak J. Op. cit. S. 225—227.

⁵² Агапов А.Б. Дневники Йозефа Геббельса: прелюдия Барбароссы. Изд. 2. М., 2004. С. 241.

⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 58, л. 53.

⁵⁴ Там же, л. 64.

⁵⁵ Илизаров Б.С. Иосиф Сталин в личинах и масках человека, вождя, учёного. М., 2015. С. 123.

шло совещание, посвящённое написанию первоначального варианта фундаментального труда «История дипломатии». Курировать этот вопрос поручили специальной комиссии⁵⁶ под руководством В.П. Потёмкина⁵⁷.

14 мая 1940 г. с 22 до 23 часов Потёмкин присутствовал в служебном кабинете Сталина в Кремле, где также находились Молотов и Жданов. Можно предположить, что в течение часа там обсуждалась проблема подготовки «Истории дипломатии»⁵⁸ (в тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло соответствующее постановление⁵⁹). Уже 19 октября 1940 г. глава комиссии (ставший к тому времени наркомом просвещения РСФСР) сообщил Сталину, Молотову и Жданову об итогах работы над первым томом труда. В его создании (ответственным редактором назначили Потёмкина) участвовали известные историки С.В. Бахрушин, А.В. Ефимов, Е.А. Косминский, И.И. Минц, А.Л. Нарочницкий, А.М. Панкратова, В.С. Сергеев, С.Д. Сказкин, Е.В. Тарле, В.М. Хвостов, а также профессиональный дипломат и юрист Н.П. Колчановский⁶⁰.

По словам Потёмкина, первоначальный вариант «Истории дипломатии», «ввиду своей научной и литературной непригодности», практически не использовался, и всю «работу пришлось составлять заново». Новизна этого издания, указал его ответственный редактор, состояла и в том, что «марксистских трудов в данной области и в намеченном масштабе не имеется в литературе, не исключая и иностранной». Среди достоинств нового варианта была названа его источниковая база — дипломатические документы, архивные материалы, мемуарная литература. Участвовавшие в проекте авторы не только ориентировались на узкий круг историков или советских дипломатов, но и по возможности придали книге популярный характер, имея в виду использование её в качестве «учебного руководства». В случае одобрения этого варианта, отметил Потёмкин, книга могла пополниться «картами, портретами, библиографическим перечнем, указателем имён». Поскольку по объёму этот фундаментальный труд значительно превышал «обычный тип учебника», его предлагалось «разбить» на два тома⁶¹.

В начале 1941 г. вышел первый том «Истории дипломатии»⁶². Прочитав его, Сталин позвонил Потёмкину и просил поблагодарить авторов и редакторов, работавших над книгой⁶³. Её тираж, вспоминал Г.В. Шумейко, «заблаговременно определённый Сталиным», был по тем временам огромным — 500 тыс. экз. «История дипломатии» предназначалась для работавших и будущих советских

⁵⁶ РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5754, л. 98.

⁵⁷ Потёмкин Владимир Петрович (1874—1946), государственный и партийный деятель; историк, педагог, дипломат; первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР (1937—1940); член ЦК ВКП(б) (1939—1946).

⁵⁸ На приёме у Сталина. Журналы (тетради) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 299.

⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1023, л. 32.

⁶⁰ Колчановский Николай Петрович (1892—1941), дипломат, юрист; сотрудник МИД России (1915—1917), НКВД РСФСР/СССР (1921—1941); участник переговоров по пограничным вопросам с Японией (1926—1928) и Финляндией (1940).

⁶¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5754, л. 98—100.

⁶² История дипломатии / Под ред. В.П. Потёмкина. Т. 1. М., 1941; Т. 2. М.; Л., 1945; Т. 3. М.; Л., 1945.

⁶³ Бронтман Л.К. Из дневника 1940—1941 гг. Запись от 2 марта 1941 г.; Бронтман Лазарь Константинович (1905—1953) был журналистом, сотрудником редколлегии газеты «Правда» (личный архив В.А. Невежина).

дипломатов. Выработать у них умение разбираться в международных проблемах (в условиях, когда «поджигатели войны» стремились втянуть в неё СССР) и есть суть неустанной заботы Сталина, отмечалось в предисловии к изданию. Сам Шумейко спустя десятилетия в целом негативно оценивал «столь авторитетную рекламу» этой книги, считая, что даже если советские люди и желали избежать вовлечения своей страны в войну, от подобного «словостолпотворения» «веяло чем-то иллюзорным»⁶⁴.

Столь же скептически воспринял мемуарист выход в 1940 г. в СССР первого тома мемуаров О. фон Бисмарка «Мысли и воспоминания». Наивно думать, полагал Шумейко, чтобы нацисты пошли по стопам знаменитого канцлера и оказались «верными политике добрых отношений с СССР»⁶⁵.

В конце 1930-х гг. Сталин, в библиотеке которого были «Мемуары князя Бисмарка (Мысли и воспоминания)» (СПб., 1899)⁶⁶, очевидно, всерьёз задумался о возможности переиздания книги в Советском Союзе. Сохранился рукописный набросок макета обложки первого тома с личными пометками вождя⁶⁷: «О. Бисмарк. Мемуары и мысли⁶⁸. Том I. Перевод с немецкого⁶⁹ АМН под руков[одством] БРС⁷⁰. Библиотека внешней политики. ОГИЗ⁷¹. Предисловие от издат[ельства]⁷²». В правом верхнем углу листа имеется помета Сталина, сделанная простым карандашом: «Л[ичный] арх[ив]»⁷³.

Об одном эпизоде, связанном с подготовкой этой книги к изданию, М.Я. Гефтеру рассказал историк А.М. Ерусалимский⁷⁴, которому поручили написать предисловие к первому тому воспоминаний Бисмарка. Поздним вечером 23 сентября 1940 г.⁷⁵ Ерусалимского пригласили на импровизированное совещание к Сталину, где помимо Молотова и Жданова присутствовал П.Ф. Юдин⁷⁶. Как оказалось, Сталин отредактировал написанное Ерусалимским предисловие к уже изданной книге. Вместо заголовка «От издательства» Сталин вписал: «Бисмарк как дипломат». Попутно вождь якобы устно прокомментировал обоснованность некоторых своих замечаний. Кроме того, он пожурил Юдина за слишком высокую планируемую стоимость книги и велел её снизить⁷⁷.

⁶⁴ Шумейко Г.В. Из летописи Красной площади. С. 198.

⁶⁵ Там же. С. 196.

⁶⁶ Илизаров Б.С. Иосиф Сталин... С. 131.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 200, л. 17. Документ находился среди материалов, присланных в ЦК ВКП(б) 30 апреля 1949 г. старшим помощником министра иностранных дел СССР Б.Ф. Подцеробом.

⁶⁸ Название написано и дважды подчёркнуто синим карандашом.

⁶⁹ «С немецкого» вставлено над строкой.

⁷⁰ Аббревиатуры расшифровать не удалось.

⁷¹ ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств; в 1930—1949 гг. существовало при СНК (с 5 октября 1946 — при Совете министров) СССР.

⁷² Написано простым карандашом, а красным слева помечено: «65-16»; возможно, указан чей-то номер телефона.

⁷³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 200, л. 12.

⁷⁴ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. С. 261—262; XX век. Голограммы поэта и историка... С. 134—136; Третьего тысячелетия не будет... С. 247—248.

⁷⁵ На приёме у Сталина... С. 312.

⁷⁶ Юдин Павел Фёдорович (1899—1968), советский философ; дипломат и общественный деятель; директор ОГИЗ (1937—1947).

⁷⁷ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. С. 261; XX век. Голограммы поэта и историка... С. 134.

Документы личного фонда Сталина позволяют уточнить некоторые детали свидетельства Ерусалимского, озвученного Гефтером. Так, на совещании в кремлёвском кабинете вождя присутствовал и первый заместитель наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовский⁷⁸. На другой день, 24 сентября, он направил на имя Сталина докладную записку (копию адресовал Молотову), в которой сообщил: «Вступительная статья к 1 тому “Мыслей и воспоминаний” Бисмарка, согласно Вашим указаниям, переделывается, и сегодня будет закончена. Для того чтобы расположить примечания после каждой главы, необходимо не только переверстать всю книгу, но и заново её напечатать, поскольку весь тираж в 50 000 уже напечатан»⁷⁹.

Эти строки подтверждают достоверность свидетельства Ерусалимского о сталинской редакторской правке предисловия к мемуарам Бисмарка, готовность их первого тиража (50 тыс. экз.) к 23 сентября 1940 г. и указание Сталина при знакомстве со справочным материалом разместить сноски не в конце текста, а после каждой главы книги.

Между тем Лозовский, хорошо знавший издательское дело (в 1937—1939 гг. он возглавлял Гослитиздат), в упомянутой записке отметил, что перепечатывание набранного тиража «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка означает «пустить в макулатуру 22 тонны вишерской бумаги⁸⁰ (тонна этой бумаги стоит 2000 рублей)». Поэтому Лозовский предложил: для первого тиража оставить примечания ко всему тому в конце основного текста, а для второго (в 50 тыс. экз.) книгу переверстать и дать примечания после каждой главы. Резолюция Сталина была следующей: «С.А. Лозовскому; Тов. Молотову. Не возражаю»⁸¹.

В личном архиве Сталина имеется и копия списка названий мемуаров Бисмарка, руководств по дипломатической работе и классических исследований по международному праву, принадлежавших перу как русских дореволюционных, так и иностранных авторов. Список был составлен Государственным издательством социально-экономической литературы (Соцэкгиз)⁸² и имел общий заголовок: «Библиотека по внешней политике». В первом разделе списка были представлены: «А. Мемуарная литература, рекомендованная к изданию (на самом деле, к переизданию. — В.Н.) в первую очередь (10 наименований); Б. Руководства по дипломатической работе (4 наименования); В. Учебники по международному праву (2 наименования)». В следующем разделе перечислялись книги, рекомендованные к переизданию во вторую очередь: «А. Мемуарная литература (18 наименований); Б. Руководства по дипломатической работе (6 наименований)»⁸³.

Этот документ составлен *до выхода* в свет первого тома воспоминаний Бисмарка. В первой части списка, в разделе «А» (мемуарная литература) значится: «8. Бисмарк — Мемуары. 3 тома», справа напечатано: «1-й том переведён полностью и находится в Соцэкгизе. 3-й том полностью издан в 1923 г.». Здесь

⁷⁸ На приёме у Сталина... С. 312.

⁷⁹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 760, л. 145.

⁸⁰ Бумага высшего качества, производившаяся на Вишерском целлюлозно-бумажном комбинате (Урал) с 1931 г.

⁸¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 760, л. 145.

⁸² С 1930 г. это издательство входило в состав ОГИЗ.

⁸³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 200, л. 13—16.

же Сталин сделал помету синим карандашом: «Обязательно перевести также II том мемуаров Бисмарка и издать вместе с I томом»⁸⁴.

В служебном бюллетене ТАСС от 5 декабря 1940 г. сообщалось об издании в ноябрьском номере немецкого журнала «Берлинский ежемесячник» двух докладов имперского министра иностранных дел Австро-Венгрии барона Г.К. фон Гаймерле. Речь шла о его беседах с Бисмарком 4 и 5 сентября 1880 г., приблизивших заключение германо-австро-русского договора от 18 июня 1881 г. Новые подробные сведения об этом событии, отмечало ТАСС, содержатся в труде В. Виндельбанда «Бисмарк и европейские великие державы в 1879—1885 гг.». Эта информация заинтересовала Сталина. Фамилию Виндельбанда и название его книги он подчеркнул синим карандашом. В нижней части первого листа бюллетеня ТАСС Сталин оставил написанную красным и синим карандашами резолюцию: «Издать журнал (ежемесячный) “Внешняя политика”. Достать этот труд Виндельбанда, перевести и напечатать на русском языке»⁸⁵. Сталина даже не смущало то обстоятельство, что Виндельбанд являлся одним из ведущих историков-международников Третьего рейха. Уже 13 февраля 1941 г. Л.П. Берия сообщил вождю: «Направляю Вам два тома перевода с немецкого книги Виндельбанда — “Бисмарк и европейские державы. 1879—1885”, изданной в Германии, Эссен, в 1940 г. Третий том будет дополнительно направлен Вам 17 февраля»⁸⁶. Сталин получил этот том, а на следующий день — и его перевод⁸⁷.

Вождь оставил комментарии и пометы (простым и синим карандашами) по тексту выше упомянутого списка Соцэкгиз⁸⁸. Так, в разделе «Б», где перечислялись труды британского дипломата Э. Сатоу, французского историка А. Дебидура, немецкого правоведа Л.Ф.Л. Оппенгейма и американского историка Р. Зонтага, синим карандашом Сталин написал: «Издайте в первую очередь “руководства” и другие, отмеченные крестиком, книги»⁸⁹. Соцэкгиз выполнил данное указание.

В общем предисловии к книге Бисмарка «Мысли и воспоминания» (а не «Мемуары и мысли», как сначала планировал Сталин) сообщалось, что издательство приступает к выпуску «Библиотеки внешней политики». В первую очередь планировалось опубликовать работы «по истории международных дипломатических отношений» (например, Дебидур А. «История европейской дипломатии от Берлинского конгресса до 1916 г.»; Зонтаг Р. «История европейской дипломатии с 1871 по 1932 г.»), дипломатической практике (Сатоу Э. «Руководство к дипломатической практике»; Оппенгейм Л.Ф.Л. «Руководство по дипломатии») и международному праву (Оппенгейм Л.Ф.Л. «Международное право»)⁹⁰. Намеченные к изданию книги выходили в СССР на протяжении 1940—1950 гг.⁹¹

⁸⁴ Там же, л. 13.

⁸⁵ Там же, д. 208, л. 33.

⁸⁶ Там же, оп. 1, д. 5754, л. 125.

⁸⁷ Там же, л. 142.

⁸⁸ Там же, оп. 11, д. 200, л. 13—17.

⁸⁹ Там же, л. 14.

⁹⁰ От издательства // Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. III.

⁹¹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940; Т. 3. М., 1941; Ерусалимский А.С. Бисмарк как дипломат. М., 1940; Исии Кикудзиро. Дипломатические комментарии. М., 1942; Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема. Анализ англо-французских отношений в пери-

В списке не оказалось «Дипломатии» английского политика, историка, дипломата Г. Никольсона⁹². Правда, этот труд был упомянут в предисловии «От издательства» к первому тому мемуаров Бисмарка. 18 декабря 1940 г. Юдин направил Сталину макет книги Никольсона, предложив издать её тиражом в 50 тыс. экз.⁹³ Вскоре его «Дипломатия», а также «История внешней политики», написанная преподавателями Высшей дипломатической школы НКВД СССР (1939—1941) А.А. Трояновским и Б.Е. Штейном⁹⁴, дополнили сталинскую библиотеку⁹⁵.

Таким образом, накануне и в начале Второй мировой войны Сталин активно использовал советские СМИ для декларации собственных внешнеполитических установок в сложных международных условиях. Тогда возникла необходимость заявить мировому сообществу: СССР будет осуществлять независимую внешнюю политику, решительно отстаивая собственные интересы. Об этом свидетельствуют вышедшие 11 мая 1939 г. «анонимная» публикация Сталина в «Известиях» и инициированные им «Сообщения ТАСС», а также его соавторство опубликованного в «Правде» 19 апреля 1941 г. обзора иностранной печати относительно советско-японского пакта о нейтралитете и тексты важных сообщений и опровержений ТАСС на внешнеполитические темы.

Сталину принадлежала идея практического воплощения грандиозного издательского проекта «Библиотека внешней политики», призванного популяризировать среди дипломатов, учёных и широкой читающей публики СССР печатные труды отечественных и иностранных авторов по истории, теории и практике международных отношений и дипломатии. Издание книг этой серии в Советском Союзе началось в канун Великой Отечественной войны и продолжилось после её окончания.

од создания и проведения в жизнь Версальского договора. М., 1945; Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945; Камбон Ж. Дипломат. М., 1946; Дебидур А. Дипломатическая история Европы: от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). В 2 т. Т. 1. М., 1947; Т. 2. М., 1947; Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1947; Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. Мир. Полутом 1—2. М., 1948—1949; Т. 2. Споры. Война. Полутом. 1—2. М., 1949—1950.

⁹² Никольсон Г. Дипломатия. М., 1941; РГАСПИ, ф. 558, оп. 3, д. 232.

⁹³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 5754, л. 142.

⁹⁴ Трояновский А.А., Штейн Б.Е. История внешней политики. М., 1941.

⁹⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 390, 391.